

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕТРА ЛУКИЧА ПРОСКУРИНА

*«Правду моих книг поймут и
примут не скоро, она наглухо
укрыта, казалось бы, под
повседневной обыденностью:
я ни в левых, ни в правых,
я стараюсь быть там,
где чувствую истину».*

(П. Проскурин. Из дневниковых записей)

В феврале 2006 года в редакции журнала «Роман-газета» прошла церемония награждения лауреатов премии издания по итогам 2005 года. В номинации «Образ» отмечен Петр Проскурин (посмертно) за повесть «Черные птицы» и биографическую прозу. Памятный диплом и премию получила вдова писателя Лилиана Проскурина. Ей и посвящается эта повесть. Видимо жизнь – и творческая, и личная – Петра Лукича Проскурина сложилась бы совсем иначе, не будь рядом этой красивой, яркой, талантливой женщины – Лилианы Рустамовны. В самом начале их любви он предупредил: «... на мне кандалы, я прикован к своим галерам пожизненно. Вот, лет с четырнадцати терзаю бумагу, пишу стихи, повести, драмы, романы и не собираюсь бросать. У нас ничего с вами не получится». Всё получилось. Они вырастили детей и дождались внуков, вместе ездили по миру, а главное, Петром Лукичом Проскуриным были написаны книги, первым редактором которых была его жена, обладающая безупречным литературным вкусом.

Выдающийся русский писатель Петр Проскурин ушёл из жизни 26 октября 2001 года на 74-ом году жизни.

«Века уходят, и уходят люди –
Нет жизни рокового повторенья,
И лишь случайный отблеск озаренья.
Нетленной красотой всегда пребудет».

При жизни он был увенчан многочисленными лаврами – Герой Социалистического труда, Лауреат Государственных премий, председатель Всероссийского фонда культуры. Но по прошествии времени понимаешь, что не это главное. Главное – это книги, оказавшиеся нужными, необходимыми именно в его время, ведь по данным социологических опросов, Петр Проскурин был одним из самых читаемых авторов с начала 70-х до конца 80-х годов. Он был настоящим писателем.

В наше время писателями именует себя масса народа – авторы сценариев для телесериалов и игр, текстов для гороскопов и сонников и т. д. Наступление

массового, продажного девальвированного слова происходило постепенно и целенаправленно. И если этому пыталась некоторое время противостоять честная критика, то в последнее время, и она все чаще демонстрирует неадекватность. О книгах всё чаще пишут не ради анализа, а ради пиара, и вместо честного разговора об авторах, их удачах и промахах мы получаем набор рекламных слоганов.

Многие авторы садятся за письменный стол потому, что их научили владеть пером, снабдили великолепным литературным опытом предшественников. Рабочий леспромхоза тридцатилетний Петр Лукич Проскурин стал записывать в тетрадку свои наблюдения и мысли о людях, а потом понес эту тетрадь в издательство с единственной целью – он хотел открыть свою правду. Дерзость? Наверное. Но тут важна вера в силу собственного самородного слова, неуёмное желание выплеснуть душу на листе бумаги, но при этом он был большим художником, обладавшим, прежде всего величайшим самоконтролем и невероятной ответственностью перед Словом. «Вдохновение всегда было выше любви и больше смерти, оно копилось неделями, месяцами, иногда десятилетиями или даже всей жизнью, и прорывалось всегда неожиданно проникновением в первичность какой-то жгучей, черной тайны», – это герой рассказа «В час искушения» размышляет о природе творчества.

Во всём, написанном Петром Проскуриным, он существует не сам по себе, а в безраздельном слиянии с русской природой, со своими героями и с русским языком, как его живая произвольная часть. Он с полным основанием мог сказать: «Я прожил много жизней в своих книгах». В одном из своих последних выступлений в печати Петр Проскурин говорит о Слове, как о величайшей созидательной силе: «О чем сейчас у нас Слово и что такое Слово? Слово – это чудо, дарованное человеку, возможность понять и осмыслить самого себя, достичь звезд и низвергнуться в бездну». Вся русская литература построена на понимании великого значения «слова», это всегда поиски правды, это исповедь. «Как может развиваться литература, основа основ почти всех искусств, если на её шее захлестнута жесткая экономическая удушающая петля», – эти с болью написанные в 1998 году строки сейчас ещё более актуальны.

Когда человеку пишущему удаётся нащупать, ухватить, вытащить на свет Божий то, что обычному человеку неведомо – тогда этот человек вправе называться писателем. В творчестве своих коллег-писателей Петр Лукич прежде всего ценил то, что сам называл «запахами жизни», которые не может заменить никакая безукоризненно, даже красиво исполненная картина, никакой отточенный стиль, ни броские декларативные построения о добре и зле, о любви и смерти. Некоторые писатели описывают народ как бы сверху, как сторонние наблюдатели, иногда как препараты. У Петра Проскурина совершенно иная природа дарования. Он – сам народ, словно пишущий за тех, кого Бог не

наградила дарованием. «Творчество Петра Проскурина – это биография уникальной, избранной Богом и совращаемой дьяволом страны, которой судьбой назначено преодоление самых тяжких, порой нечеловеческих испытаний, какие только могут выпасть народу в движении изменчиво-коварной истории, прошедшей по России беспощадным катком. Позиция П. Проскурина противостоит современной бездуховной литературе, воспринимающей придуманную жизнь по рекламам, по дамским и детективным романам. А книги П. Проскурина – это построенные им города и деревни, каждые из которых он населил своими героями, где бьётся сама жизнь со всеми её тёмными и светлыми сторонами, это крик восторга и боли, это бессмертность надежды и призывы на помощь, это напоминание, что жизнь – это не дармовой подарок, а драгоценность существования на земле и необходимость долга. Все его романы – о России, о её не очень счастливом народе» – писал к 75-летию Проскурина Юрий Бондарев, когда самого Петра Лукича уже не было на свете. Мысль о смерти как естественном завершении жизни постоянно присутствовала в его произведениях: «Какова же смерть? Видимо, это передышка перед всплеском новых сил. И думать о смерти нужно для того, чтобы собранно жить. Смерть – неизбежность жизни. Народ мудр в слове своем», – так писал П. Проскурин в одной из последних бесед. Он считал, что жизнь человека нельзя разять во времени, что это один пласт, где многое определяется детством и юностью. «Это один из самых устойчивых законов, и там, где он почему-либо нарушается, возникает мучительный разрыв во времени», – писал Петр Проскурин в своей книге «Словом не убий».

Он родился 22 января 1928 года в поселке Косицы Севского района Брянской области. «... Самые ранние, а может и первые впечатления детства – неохватный разлив весенних или летних полей, цветущие, в высоких прохладных травах луга, ручей, за ним вставал сухой, звонкий дубовый лес».

Петр учился в Севской средней школе № 2. «Лично для меня Севск, с его древнейшей историей, с походом Игоревым (князя Всеволода, брата Игоря, из Трубчевска через Севск в Половецкую степь и князя Игоря из Новгорода-Северского через Рыльск в ту же степь на северный Донец) и является одним из самых любимых городов русской истории и русского государства». Оттуда, из детства, Петр Лукич пронес через всю жизнь удивительную любовь к книге. Впоследствии, пройдя поистине горьковские университеты жизни, в своей книге «Словом не убий» он пишет: «Я постепенно перетаскал домой несколько мешков книг, ночами, тайком, когда мать и братья засыпали, и, тщательно рассовал их по всем углам, и всю оккупацию читал и перечитывал их, и это, очевидно, спасло мою душу; вымышленная человеческим гением великая жизнь заслонила меня от подлинной непереносимой по своему страданию, по своей жестокости действительности». «Не годы сделали нас взрослыми. Война научила нас мыслить. За короткое время она открыла нам то,

что другой не узнает и за всю жизнь», — эти слова подпольщика Андрея Веселова из романа «Глубокие раны» в полной мере применимы и к самому автору. Воспоминания оборванного войной детства, тяжелого военного отрочества, скудной послевоенной юности, — это составляющая всех произведений П. Проскурина, навсегда отложившаяся в памяти не только как страница собственной биографии, а как история целого поколения.

«Я родился на границе брянских лесов. Там тринадцатилетним парнишкой встретил войну и оккупацию. Но до сих пор я о многом не могу написать. Вижу лица немцев, их глаза, слышу их речь. С какой-то устрашающей ясностью вижу в Севске на городской площади висельницу, а на ней трех партизан. И один совсем мальчик, лет двенадцати. А как-то мы пытались убежать через линию фронта. Я тянул сани с маленьким братишкой. У немцев начали бить тяжелые шестиствольные минометы. Летит мина, и, такое ощущение, что сейчас именно в тебя попадет. Все внутри сжигала какая-то опустошающая жажда. Я стал пить из воронки. И вижу — лежит прямо передо мной оторванная рука. Я её чуть губами не касаюсь. И глядя на эту оторванную большую мужскую руку, я что-то понял о жизни и смерти такое, что ношу в себе до сих пор, а высказать не могу, не умею, я как бы сам почувствовал, пережил смерть. В наш поселок Косицы ночью налетали партизаны, а днем бесновались полицейские, власовцы, карательные подразделения фашистов. Так всё менялось, что жестокость войны была, наверное, особенно очевидной. Пережить ощущение смерти, почувствовать атмосферу войны — это главное. А всё остальное, что ж, — это упорная работа в архивах, документах, книги, очевидцы. Но, пожалуй, в тяжкие годы оккупации главным и определившим всё моё будущее стала наша семейная трагедия, отец, его нравственное и духовное перерождение». Когда-то отец Проскурина переступил дозволенный для себя нравственный порог. Потом его несло по жизни уже как щепку. Во время оккупации он работал на немцев. А после освобождения Брянщины мать Проскурина вместе с детьми едва не расстреляли партизаны. Спас их от гибели случайно проезжавший мимо руководитель района. А дальше — осуждение соседей, школьных товарищей, удушливая атмосфера в самой семье. «Быть униженным по своей вине — это одно, но терпеть унижение всю жизнь невинно — совершенно другое». Именно эти нравственные страдания, притупившиеся в нём нескоро, отразились на философии проскуринских героев и заключаются в праве судить и себя, и других только по нравственному закону совести, потому что законы государства не всегда совершенны, и защищают не человека, а необходимость установленного порядка и возмездия. В 1950 году Петр Проскурин, уходя в армию, опубликовал первые стихи в газете «Красный воин» под псевдонимом «Павел Росин», о чем пожалел впоследствии, потому что не смог получить свой первый гонорар. Потом позвала муза дальних странствий — Дальний Восток, Камчатка. Там, на Камчатке работал сплавщиком, лесорубом, шофером. В начале 60-х годов

правление Союза писателей РСФСР пригласило группу литераторов, чтобы обсудить творчество своего молодого товарища. Для обсуждения был внесен роман «Корни обнажаются в бурю» и рассказы из сборников «Таёжная песня» и «Цена хлеба». Автор, а это был Петр Проскурин, рассказал, что родился на Брянщине, тринадцатилетним подростком пережил фашистскую оккупацию, в колхозе трудился каменщиком и плотником, служил в армии, а затем подался на Дальний Восток.

Опыты начинающего писателя привлекли внимание. Отличались, конечно, типичные для человека с нетвердым ещё пером недостатки. Не всегда безупречный вкус. Риторические длинноты. Натуралистичность в языке и равнодушие к красотам. Но, несомненно, было литературное дарование Петра Проскурина, его умение заглянуть во внутренний мир героев, анализировать сложные, нередко драматические положения. Он, несомненно, искал основной корень любого нравственного конфликта. Понятием социального психологизма, традиционного для русской литературы, видимо, вернее всего можно было обозначить тогда своеобразие творческого поиска П. Проскурина. В этом направлении он развивался и в дальнейшем, именно на этом пути он достиг определенного художественного успеха. Это были как бы ступени к «Судьбе» – романы «Горькие травы», «Исход», «Камень сердолик», повести «Шестая ночь» и «Тайга». Критики упрекали Проскурина в намеренном сгущении красок, чрезмерном заострении сюжета, стремлении к укрупнению драматизма.

Но, наверное, более правильным будет другое: он берет жизнь на её острых, крупных изломах – в историческом, социальном и личностном аспектах, вскрывая её диковинные, подчас ошеломляющие противоречия. Нужно ли в этом случае ограничивать художника? Ведь он верен правде, сохраняет чувство меры и такта.

Петр Проскурин сказал как-то такие значительные слова: «Народу нашему нужны творения, в которых жизнь взята глубоко, до основания, до материковых глубин». Именно эту цель писатель преследует во всех своих романах, начиная с «Глубоких ран». Романы Проскурина «Судьба» и «Имя твое» стали значительным литературным явлением. До сегодняшнего дня существует некая легенда о Петре Проскурине, как о благополучном литераторе, обласканном властями. Между тем, путь его в литературу отнюдь не был усыпан розами. В середине семидесятых, критика всё ещё не жаловала писателя. А в творческом багаже Проскурина было с десяток книг, среди них удивительная, нежная, музыкальная по языку повесть «Тихий, тихий звон», смелый политический роман «Горькие травы», интеллектуальный «Камень сердолик». Критики охотно писали о произведениях на ту же тему, принадлежавших перу признанных, обкатанных авторов. И только после огромного читательского успеха книг «Судьба» и «Имя твое» вроде как удивились: вот и этот автор «расписался».

Была качественная разница между его прежними вещами и дилогией. Если романы Проскурина, написанные по свежим следам «перелома», фиксировали бои на разных участках общего идейного фронта, складывая как бы мозаику Времени, то теперь подводились моральные итоги. Принципиально новым было расширение авторского кругозора, временная всеохватченность, уже не кусок мозаики, а вся фреска. Дилогия была дерзко задумана Проскуриным как современная эпопея с исследованием нравственного движения человека на всех ступенях общества. Реальные прообразы были у многих героев дилогии. Рядом с ними действуют исторические личности. Однако не документально-познавательный интерес определил успех романов у читателей. Решающим оказался гипноз «толстовской» медитативной структуры дилогии, её форма слова-исповеди. А если быть ещё точнее, то форма исповеди с читателем. Внутренние монологи, всегда бывшие сильной стороной таланта Проскурина, в дилогии стали её атмосферой, пафосом, самой сутью. Русские классические традиции, настойчивая исповедь души. Финал «Имени твоего» завершается на высокой трагической ноте. Сын главного героя, надежда его рода, погибает во время испытания космического корабля. «Я начал писать дилогию тридцатисемилетним, по сути дела, молодым человеком, а кончил в пятьдесят лет. Эта тяжесть просто раздавила меня», – так писал автор. Писатель выработал свою философию действительности, собственную концепцию человека, осознал жизнь как противоречивое бытие, отсюда его умение раскрыть тайные пружины человеческой души. Герои романов П. Проскурина никогда не перекладывают свою тяжкую ношу на чужие плечи. Они несут её до конца, никогда не оправдываясь обстоятельствами сурового времени. Этому у них можно поучиться и сегодняшнему читателю. Говоря о русском национальном характере, П. Проскурин замечал не раз: «Главное, не отрывать от своей земли, от своей истории, от перенесенных за много веков трудностей, оставаться в готовности к любым испытаниям».

Ещё в середине 80-х за несколько лет до так называемой «перестройки» П. Проскурин, словно предвидя грядущие перемены, кризисы в общественном сознании, предупреждал в одной из своих статей: «Если мы хотим серьезно разобраться в том, что происходило и происходит, необходимо выработать спокойное и объективное освещение и событий, и людей в них участвующих, не скрывая лично, не пытаясь соблюсти сиюминутную выгоду. Надо стремиться к объективному и спокойному методу полемики. Иначе мы, попирая прошлое и как-то пытаясь развенчать его, постоянно образуем новые злокачественные опухоли, которые излечивать будет ещё труднее». Действительность оказалась намного жестче и страшнее. Объективная и спокойная полемика была невозможна – слишком задевала за живое, слишком катастрофичны были последовавшие вскоре события. По прошествии времени, очевидно, что т. н. «перестройка» завела мощную державу явно «не туда». В эпоху

перестройки чуть ли не каждая статья Проскурина вызывала шквал откликов. Он первым заявил о ненормальности ситуации с «толстыми» журналами, которые в какой-то момент, утратив всякий интерес к текущему литературному процессу, увлеклись эмигрантскими сочинениями и архивными публикациями. Проскурин резко сравнил это увлечение с некрофилией. Естественно, либеральная критика тут же начала травлю писателя, упрекнув его в агрессивном невежестве, хотя правда в размышлениях Проскурина, несомненно, была. «Творческое наследие писателей прошлого надо издавать отдельными книгами. Считаю, что журналы на несколько лет выключены из современного литературного процесса. Хотя, если судить по большому счету, не так уж много публикаций представляют значительную художественную ценность. Кроме произведений Булгакова и Платонова, пожалуй, и не выделишь ничего. Больше шума поднято. Уверен, пройдет года четыре, и многие публикации, о которых сегодня вздох говорят, забудутся, потому что появятся действительно талантливые вещи. Литература – прежде всего талант, а не конъюнктура», – эти слова, написанные ещё в 1988 году, сполна подтвердились с течением времени. Уже в мае 1991 года литературовед Владимир Лакшин со страниц «Литературной газеты» бесстрастно констатировал, что после некоторого оживления, связанного в основном с публикацией «отреченных» книг, литература вошла в полосу хронического бесплодия, ожидания прихода нового поколения, которое сложится в плеяду, к сожалению, не сбылись... Писательская интеллигенция размежевалась на два непримиримых лагеря. «Мы печатаем только наших». После сурового идеологического сражения «западников» и «славянофилов» кто победил в этой борьбе, завоевал умы и души читателей? Массовая литература.

За непримиримостью Петра Лукича стояла искренняя боль крупного художника за духовное измельчение, деградацию и распад русской культуры. «Сейчас в мире очень много ереси, и самая главная из них отвергает Слово, величайшую созидательную силу. Эта ересь утверждает высшим смыслом бытия разрушение и тлен, порок и вседозволенность ... как силы, якобы положительные в развитии человечества, порочного по самой своей природе. Это лживые и циничные в корне «истины» были положены в основе так называемого «государственного» строительства новой России. Но весь этот новый порядок, давно перещеголявший по своим катастрофическим масштабам гитлеровскую идеологию и философию примата сильного человека и избранной нации, уже обречен в самой своей основе – это всего лишь временное помутнение народного сознания. Но болезнь не может длиться вечно. Она или проходит, и организм, пораженный ею, выздоравливает, или наступает смерть. Русская болезнь расслабленности, всеядности и терпения. Убедительнее всего об этом свидетельствуют деградация и распад русской культуры, духовное измельчение и одичание её элитарных носителей, даже самых одаренных от природы, цинично предавших коренные интересы своего народа». В этот период писатель

работает над третьей книгой дилогии «Судьба» и «Имя твое» – романом «Отречение» (1987-1990). Литературным событием это не стало. В это время уже присутствовало то, что честнейший критик Игорь Дедков назвал «Ощущением вакуума, в которое попало слово». Откуда взялось это ощущение? Исчезла прежняя публика. Появились странные нечитающие люди, желающие одного, – чтобы их развлекали. Тяжелая, выстраданная проза Петра Проскурина, требующая напряжения, работы ума и души, мало была для этого приспособлена. Но он всегда как мог, пытался разбудить совесть нации и достоинство русского человека, до конца был верен позиции сопротивления в этой сложной и противоречивой действительности. «Перед ним корчилась в конвульсиях великая империя и нужно было соответствовать. Да, старина, сказал себе Тулубьев, вот оно, видит око, да зуб неймет. Не осилить тебе этот распад, нет, не осилить, не успеть переработать случившееся... Не хватит времени», – так он говорит об этом устами героя-писателя в повести «Азь воздам, Господи». Как во многом был прав писатель, заметив в одной из последних своих бесед: «Наступившее столетие для нас неродное. Оно будет близким для других поколений, с новой цивилизацией, с новыми отношениями».

Основным пафосом критики и публицистики начала 90-х годов было обличение советской культуры. Вопреки логике и здравому смыслу многих писателей-патриотов называли «противниками перестройки». В это время в трудах Петра Проскурина, в прозе и публицистике, усиливается стремление философски осмыслить произошедшие в стране перемены. «Существовала советская цивилизация, деятельность которой нам придётся ещё долгое время осмыслять. Эта деятельность происходила не только в сфере науки и политики, но и в культуре. И её благотворное влияние сказалось на всем человечестве, ибо опыт советской цивилизации учитывается ныне во всем мире, без него уже нет будущего. И только мы, мы, те, кто породил ее, отказываемся сейчас от нее. Не парадокс ли?»

Начало нового тысячелетия Проскурин отметил выходом в свет новой книги «Мужчины белых ночей», которая включила в себя семь маленьких повестей, чутко отразивших нравственные и духовные изменения в жизни. О Петре Лукиче Проскурине заговорили как не только талантливом, но и остросовременном прозаике. В последних произведениях Проскурина поразительна та мощная, неподкупная сила, с которой он встает на защиту исторических ценностей родной земли. Природа его таланта осталась прежней: писать только правду о радостях и страданиях своего народа, из глубины которого он вышел. «В 2000 году вышла книга рассказов «Азь воздам, Господи», в котором есть одноименный рассказ, нравящийся мне. Как вызревшую мысль, обратившуюся в своеобразную жизненную философию, которая мало кому понятна еще, я люблю роман «Число зверя», – писал П. Проскурин.

Академик Игнатов говорит в этом романе трагические слова: «Именно

потому, что они, эти верховные партийные жрецы, отринули приоритет и главенство русского начала, все и должно было завершиться разгромом и хаосом».

Проскурин считал, что сам русский народ, сбросивший шоры слепой веры, должен внутренне созреть и определиться. Последние его произведения, разные по стилю и жанру объединяет одна мысль: православие единственная оставшаяся у русского народа ценность, хранящая генетический код его духовного развития, «последний оплот, в котором как раз и заложено будущее возрождение России».

В последнем своем романе «Число зверя» (1999) мы увидели нового Проскурина, мыслителя, аналитика. В этой книге для самого автора важна оценка нравственной сердцевины советских писателей, понимание того, есть ли разрыв в творчестве между тем, что говорилось в советское время и делалось в перестроечный период. Его самого даже самые суровые критики не могли упрекнуть в двоедушии и перерождении. Петр Проскурин был человеком цельным, никогда не изменяющим ни Родине, ни друзьям, ни своему призванию.

Недавно поэт Александр Межиров, эмигрировавший в восьмидесятые в США, опубликовал пронзительное стихотворение, написанное в 2002 году, где есть такие строки:

«Но занятней всего было то,
Что из тех, кто хоть
что-нибудь стоит,
Кто хоть что-то творит
или строит,
Не покинул России никто».

Проскурин всегда был со своим народом. Его невозможно представить вне России. Родовое достоинство русской литературы всегда состояло в том, что она была литературой несогласия и сопротивления скверне мира. И сопротивлялись ей герои русской литературы. Это очень непросто – создать героя, личность. Теперешняя литература почти утратила это качество. В ней словно и не существует людей действенных, сильных, настоящих мужчин. Неслучайно, столь популярна у нас т. н. «женская проза». Лучшие российские писатели, находясь в поисках героя, чаще всего находят страдальца, мечущегося в лабиринтах собственной больной души, оправдывающего собственную беспомощность непониманием окружающих, тяжелыми временами, чем угодно, только не собственной несостоятельностью. В лучшем случае, их единственной доблестью является всепрощение. Даже талантливые российские писатели, создавая некие литературные образы, словно не отягощают себя мыслью: во имя чего? И страдания собственного эгоистического «Я» не переходят в глубину философского анализа всего мира. Проскуринские же герои – люди действенные и сильные, соль земли. Это, прежде всего герой его трилогии Захар Дерюгин.

«Забрось его на необитаемый остров совершенно голого, он тут же довольно прилично оденется, дом себе выстроит, железа и золота накопает, жену и на безмодье отыщет или умыкнет, детей народит. И вновь закипит в пустынном досель месте деятельная народная жизнь, вырастут шумные города, возвысятся храмы, корабли с товарами поплывут во все концы мира». Возникни такой герой в современной литературе, он мешал бы подавить волю народа окончательно, способствовал бы возрождению национального самосознания, но пока его нет, и немало пройдет времени, прежде чем он появится. Нельзя построить будущее, варварски разрушая прошлое. Творчество талантливого русского писателя Петра Проскурина является частицей национального достояния именно потому, что во всех без исключения своих произведениях он пытался, как мог разъединить ложь от правды, истину от лживой имитации – разъединить этих вечных противников ради справедливости. И ещё: он был убежден – за свои заблуждения народ платит тяжкой ценой – в своих детях и внуках. В последних произведениях Петра Проскурина присутствует тема раскола, распада связи времен. Память у Проскурина заключает в себе идею вечного движения и развития жизни, духовного народного опыта, вне которого человек обречен на нравственную гибель. «Но проходит время, и круг вновь замыкается – и в далеких праправнуках вдруг просыпается голос и зов дедов, и из непреодолимой тьмы приходит очередной преподобный Сергей, вновь звучит голос истины, и начинается опять и опять осуществляться подвиг утверждения и созидания народной души и всего сущего...»

Будем же верить в это, как верил наш земляк Петр Лукич Проскурин – писатель, патриот, сын Земли Русской.

Н. Пряничникова,
28 мая 2006 г.